

ДО ПОТЕРИ ПУЛЬСА

Анастасия Гвоздкова

Анастасия Гвоздкова До потери пульса

<https://litres.ru/73897146>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двое подростков сбегают от родителей, чтобы не сдавать выпускные экзамены. Им предстоит столкнуться с новыми людьми, которые перевернут их мировоззрение, друг с другом и, конечно же, с собой. Это история о взрослении, принятии ответственности, о любви. О том, чтобы следовать за своими мечтами и верить в лучшее.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анастасия Гвоздкова

До потери пульса

До потери пульса

Пролог

В 8 утра на улице Правды раздался оглушительный выстрел. Она не смела остановиться и посмотреть назад, чтобы удостовериться, что Колибри ещё дышит. Ей самой катастрофически не хватало воздуха. Ещё один квартал – и она выйдет из поля зрения тупорылого Тони и его приспешников. К тому же, он слепой. Во всяком случае, на один глаз. А со вторым разве что в бильярдных зависать. Причём в качестве наблюдателя со стаканом пива. Уж там-то он не промахнётся.

Внезапно из кармана олимпийки выпал школьный пропуск и флаер из нового магазина косметики.

Какой ещё Тони? Это же не типичный фильм про мафиози!

Попав в неприлично широкую лужу, флаер моментально намок и начал сбрасывать кожу цветными целлюлозными полосками. С неба что-то невразумительно брызгало. Улица молчала. И только хлюпанье кроссовок по лужам и прерывистое дыхание довольно бесцеремонно нарушали эту тишину.

Ну его, этого Тони. Этого Сраного Тони. Ха-ха-ха. Да. Так лучше. Но всё равно к чёрту его!

На полпути к садику длинноногая фигура в чёрных легинсах, с довольно-таки выразительными полосками от гря-

зи в стиле «адидас», резко остановилась, не престаивая часто дышать. Она прислушивалась к бешеному ритму сердца и неприязненно морщилась в попытке вернуть былое состояние спокойствия и умиротворения. Бегунья расположила ладони на коленях и опустила голову. В ушах что-то пульсировало, она снова поморщилась и сглотнула.

Внезапно: громкий выстрел и фигура моментально выпрямилась, прижавшись спиной к стене. Сердце ушло в пятки – Тони настигает.

Минуту спустя кроссовки бодро перескакивали через лужи, но уже в направлении дома с тремя эркерами. Надо было спрятаться от дождя. Фигура проскользнула в парадную и на четвёртом этаже громко чихнула, чертыхнувшись впоследствии. Рука потянулась в карман за ключами. Снова ругательство. Нет пропуска.

– Сдурела что ли? Простынешь!

Ну всё. Тони крышка. Здесь даже он бессилён. Даша закатила глаза.

Мама в вафельном халате выглянула из-за двери, пряча лицо за копной свалывшихся за ночь волос. Ей было необходимо удостовериться в том, что дочь действительно есть за что отругать, и это не учитывая вчерашнюю немытую посуду.

Лязгнул засов, бегунья сдула со лба мокрые сосульки волос, стоя лицом в коридор. Мама, выждав несколько секунд, второпях подбежала к дочери с гигантским полотенцем в ру-

ках и замотала её в махровый кокон, периодически потирая его руками.

– Ма-ам. Ну ё-моё. Отстань! Чего ты опять со своим одеялом привязалась?

Мама не останавливалась. Она натирала полотенце так сильно, как будто хотела разжечь костёр прямо в квартире. Прямо на дочке. Что ж, так она сразу поплатится за все грехи. И за немытую посуду в том числе.

– Даш! Не дёргайся, ей-богу!

Полотенце нагрелось недопустимо сильно.

– Ма-ам, – доносилось еле слышно из кокона. – Ма-ам, – уже громче. – Ма-ам! – громopodobный возглас пролетел по коридору. Даша напряглась и с усилием сдёрнула с себя полотенце. – Перестань! Спалишь.

– Ладно тебе, – мать сконфуженно начала сворачивать полотенце, аккуратно поправляя рукой мокрые пряди дочки. – Иди переоденься. Кострище подождёт.

Даша остановила мать, коснувшись её руки, и молча прошла в комнату, оставляя за собой мокрые следы.

Она ведь даже не поняла, наверное, что дочь в каком-то веке занялась полезным занятием!

Чудное чучело стояло посреди комнаты с шапкой наэлектризовавшихся каштановых волос. Насквозь мокрая олимпийка и потерянный проездной неприятно давили на ещё неустоявшуюся подростковую психику и как будто бы разом умалили все плюсы бега по утрам и личное достижение бе-

гуњи – попытку сделать полноценный забег под дождём.

Даша подняла руку, сложив пальцы в условный пистолет, сдула воображаемый дымок со ствола и убрала оружие за спину. «До встречи завтра, Тони!».

Хлопнула дверь в ванную. Зашипел душ. Сначала резко, агрессивно, потом мягче, приятнее. В щель под дверью проползали отрывки какой-то песни на английском языке. Сначала неуверенно, как-то дёргано, нервно, а потом всё более плавно и певуче. Вместе с душем успокоилась и заструилась и песня. П-ш-ш-ш. «Чёрт!». П-ш-ш-ш. «Твою ж мать!». Кипяток. И снова: «Dug my way out, blood and fire, bad decisions, that's alright, welcome to my silly life»¹.

¹ Нашла свой путь – вся в крови, безрассудность – не грех, добро пожаловать в мою глупую жизнь (англ.).

Глава 1

– Ха-ха-ха. Жесть. Да она ж с приветом, сразу видно.

– Чё?

– Ничё, Дэн, не тупи. Мы про вахтёршу.

– А чё она?

– Блин, всё, отстань. У тебя день тупых вопросов?

Высоченный парень в плохо заправленной рубашке закатил глаза и вышел из класса. Это Денис. Одноклассник Одуванчика. Один из немногих хороших ребят. Наверное, на него даже можно было положиться при случае. Денису не хватало внимательности и совсем немного сообразительности. Но это в жизни. В учёбе ему не хватало ещё больше. Зато он никому никогда не желал зла. Даже сумасшедшей математичке, которая рисовала ему двойки на лбу после того, как Денис обмолвился о любви к рэпу прямо во время итоговой контрольной. Кто же мог предположить, что неосторожное, но очень искреннее и эмоциональное признание в коридоре обернётся фразой Жизель Ивановны: «Отрежьте мне уши прежде, чем он вернётся с этим Фейсом в класс!».

Одуванчик громко захлопнула учебник по алгебре, растегнула сумку и достала из неё старые спутанные наушники. Маша Ерёменко бросила многозначительный взгляд в её сторону. Одуванчик посмела привлечь к себе внимание при

том, что у неё точно не было в запасе занимательной сплетни или истории с пьянки, да ещё и явно отсутствовала готовая домашка. Но Одуванчик даже не посмотрела в сторону голодных гиен, готовых сорваться в любую минуту и перегрызть друг другу глотки в борьбе за лучшее оскорбление. Маша с достоинством повернулась обратно к своей стае. Девчонки захихикали.

Одуванчик заткнула уши наушниками и стала листать композиции в телефоне в поисках идеального плейлиста. Под настроение подходила Алёна Швец.

В класс ворвался парень в чёрной толстовке с надписью «University» посередине и в узких джинсах. Главный оторва Дима Шишкин – или попросту «Шишка». Дима с разбегу запрыгнул на парту, за которой сидели девчонки и приблизился лицом к Маше.

– Двигайся, я тут сяду.

– Шишка, ты чё, совсем офигел?

Дима выпрямился и улыбнулся.

– Дура ты, Машка. Такого красавца игноришь.

Маша порозовела.

– Вали отсюда, – сделав небольшую паузу, она продолжила: – Сядь вон к этой. К Одуванчику. Она одна сегодня сидит.

– В смысле сегодня? – пошутил Дима, пытаясь рассмешить очарованных дам. Некоторые улыбнулись. – Да ладно. Блин, – Дима посмотрел на Одуванчика. – Ну ты смеёшь-

ся что ли? Я поболтать люблю. Мне будет скучно... – Дима скорчил недовольное и в то же время умиляющее выражение лица.

Прозвенел звонок и Диме пришлось отступить.

– Только сегодня. И только потому, что я добрый, – сообщил он Маше, отходя от парты.

Одуванчик всё слышала. Она качала головой в такт в музыке, но едва ли понимала, что за песня играла в наушниках.

В класс ввалилась Жизель Ивановна. Вообще, 11 «Б» не был склонен к буллингу и отличался некоторой терпимостью, но как-то так повелось, что математичка из «толстой» однажды превратилась у них в «непомерно жирную как пончик с джемом в столовке, только без джема». И без пудры или сахара. Вообще без всего. Хоть бы дырка была. А она пончикам не полагалась по определению.

– Листы эти доставайте. Двойные.

– А нам реально две стороны понадобится, Жизель Ивановна? – прокричал Женя Воронин с последней парты.

– Тебе – да. Я на второй напишу письмо родителям.

– Давайте лучше по почте. Я как раз голубя прикупил.

– Щас к доске пойдёшь со своим голубем, – рывкнула Жизель Ивановна, плюхаясь в кресло.

– Он у меня умный. Нестрашно, – Женя старался держаться уверенно и даже нагло, чтобы отбить у математички желание вызывать его к доске. Стратегия «надоест с первых секунд» зачастую оказывалась довольно выигрышной. Но это

как в покере. Либо пан, либо пропал.

Дима, покачиваясь, подошёл к парте, где сидела Одуванчик. Он даже не посмотрел на неё. Резко выдвинул стул и уселся, вытянув ноги вперёд. Через несколько минут от начала урока, посреди теста, Дима попытался подглядеть к Одуванчику в листок, но та аккуратно закрывала его рукой. Она сама не знала ответов, но не могла позволить какому-то нахалу скатывать у неё. Дима громко вздохнул и вернулся к своей работе после нескольких неудачных попыток углядеть хоть один ответ.

Когда все сдали листочки, Дима начал задумчиво жевать колпачок ручки. Одуванчик уткнулась в тетрадку, где должны были красоваться пять упражнений, но на деле куковал лишь странный человечек без головы, но с тремя ногами. Она решила усовершенствовать своё творение и потянулась за ручкой к пеналу. Но стоило ей положить руку на молнию, как Дима без лишних раздумий выхватил пенал и положил его прямо перед собой. Одуванчик остолбенела. Дима бесил её. Она медленно повернулась к нему лицом.

– Если тебе больше нечего жевать, попроси у Маши. У неё есть ручки с перьями.

Дима пропустил мимо ушей издёвку и поспешил парировать выпад Одуванчика.

– Ох ты ж боже мой. Кто тут у нас говорить научился!

Одуванчик сникла. Внезапно возникла Жизель Ивановна.

– Эй, что там у нас? Савельева, ты что ли? Прекратите

немедленно, – после небольшой паузы, выдержанной для того, чтобы пристыжённые должным образом пристыдились, математичка продолжила: – Так. Сегодня никакого дз не будем проверять. Опять не успеваем с вами ничего. Дальше только подготовка к экзамену. Доставайте сборники.

Одуванчик нахмурилась. Она терпеть не могла сборники. Даже томики сочинений Пушкина и Лермонтова заставляли её морщиться оттого что на них тоже было написано «сборники».

Дима развернулся вполоборота и многозначительно посмотрел на Одуванчика. «Точно хочет с одного сборника со мной работать», – сразу догадалась она. Одуванчик улыбнулась Диме и вытянула обе руки вперёд на парте, сцепив руки в замок. Дима не ожидал такого поворота событий. Так далеко заглядывать в будущее он ещё не научился.

– Ты чё сидишь? Доставай сборник, – начал раздражаться парень.

Одуванчик ничего не ответила. Она села ровно и стала смотреть на доску. Дима пришёл в ярость.

– Эй! Где твой сборник?

Да. Лимит произнесения этого слова был исчерпан в этот день. Одуванчик мысленно готовилась к более серьёзной атаке чем-то вещественным. Может быть, тем же сборником.

Шишка разбудил спавшего Цербера. Жизель Ивановна даже покраснела от раздражения.

– Шишкин! Что там у тебя? Где твой учебник?

Дима с сожалением и даже какой-то натянутой горечью сообщил:

– Дома, Жизель Ивановна, – видимо, сборник был крайне дорог Шишке. Бедняга. Он едва не заплакал.

– А у Савельевой что? Тоже дома?

– Она его почему-то не достаёт! – искренне удивился оскорблённый Дима.

– Тоже дома, – тихо, но твёрдо ответила Одуванчик. Это было ложью. Он лежал в сумке.

Жизель Ивановна совершила невообразимый поступок – поднялась с кресла. И всё для того, чтобы отдать бедным родственникам за партой свою книжку.

– Как говорил Маяковский, нате. 315-ая.

Дима заулыбался. Одуванчик не изменилась в лице. Она старалась не показывать своё замешательство. Дима с наслаждением передвинул книгу на середину парты и медленно, смакуя каждый момент, долистал до нужной страницы. Он буквально переворачивал каждую отдельно, параллельно следя за реакцией Одуванчика. Та не двигалась и не смотрела на Диму.

315-ая. Дима придавил ладонью страницы и даже довольно громко ударил по ним, мол, смотри сюда, здесь задание.

– Давайте там. Через две минуты вызову к доске на первую задачу, – пробурчала Жизель Ивановна, уткнувшись подбородком в шею. Она что-то изучала на своих ключицах.

Одуванчик сдалась. Она хотела посмотреть, что за задачу

надо было решать, но вспомнила, что осталась без пенала. Дима медленно опустил его к себе в рюкзак.

Делать было нечего. Конечно, можно было бы попросить ручку у кого-нибудь из соседей, но Одуванчик не хотела этого. Взять ручку – значит подписать пакт о добровольном заключении в тюрьму без права на побег. Перед ней уже сидели одноклассники в полосатых робах. Кто-то даже в кандалах. Вон, Лола Орлова, хоть и модница, и та в полосатом платье. А Рома Калугин? Да у него живого места на лице не осталось. Всё в синяках. И не потому что он не спит, а потому что Цербер его лупит за неправильно найденные «иксы». Ей, наверняка, даже в голову никогда не приходило, что Ромка творческий. Может быть, он «игреки» искал или ещё что похуже. Нет. Выглядело всё очень плачевно. Даже ботаник Гоша скукожился в своей камере под весом учебников. Противно. Грустно.

– Савельева, к доске! – проревела Жизель Ивановна.

Дима злорадно улыбнулся. Одуванчик вернулась в обычный мир. Прямо перед ней возникла Жизель Ивановна. Она смотрела ей в глаза. С минуту Одуванчик старалась сообразить, как ей лучше поступить. И вдруг она придумала. Она встала с места и направилась к доске. Пока Одуванчик шла, Дима ёрзал от радости и потирал руки как муха лапками на навозной куче.

– Жизель Ивановна, я, конечно, поняла, как решается эта задача, – сказала Одуванчик стоя у доски. – Но дело в том,

что мы с Димой советовались, пока решали её. И, так сказать, объединив наши усилия, мы пришли к очень интересному результату. Но мне бы не хотелось лишать Дмитрия возможности похвастаться тем гениальным способом, который он предложил, поэтому, может быть, он сам продемонстрирует всё на доске? – Одуванчик искренне улыбалась и смотрела на математичку. Та даже растерялась.

– Ну, если он и правда...

– Да! – чуть ли не крикнула Одуванчик, посмотрев на Диму. Тот, судя по взгляду, готов был покуситься на её жизнь. И это как минимум. – Я сама удивилась, как он додумался до такого решения. Это поразительно!

– Хорошо, – отрезала Жизель Ивановна, – мне, собственно, совершенно без разницы, кто здесь будет стоять. Пусть Шишкин нас удивит.

Одуванчик ещё раз улыбнулась и вприпрыжку вернулась на место. Дима Шишкин, как чайник, почти начал свистеть. Он медленно встал из-за парты и, стиснув зубы, так же медленно пошёл к доске. Все его планы рухнули. Да что там. Мир рухнул. Как вообще можно было во что-то верить теперь? И кому верить?

Шишку вели на казнь. С него даже сняли полосатую робу. Она ему теперь ни к чему. Теперь её заберёт себе кто-то из ушлых заключённых или сама Цербер. Она сошьёт из неё себе новое платье. Дима развернулся лицом к доске и медленно поднял голову. Он смотрел последний раз в небо.

Типичное поведение приговорённых к смертной казни. Последний раз он видел облака и солнце.

Глава 2

Переменки по тридцать минут угнетали Одуванчика. Она успевала съесть свой завтрак и могла бы успеть даже захватить мир, или, по крайней мере, школу. Времени хватило бы на то, чтобы обезвредить бомбу или зануду-вахтёршу, которая каждое утро закатывала глаза, если ты приходил без пропуска. Кстати, Одуванчику ещё надо было зайти в канцелярию за новым. А то придумывать каждое утро впопыхах оправдания становилось всё труднее.

Одуванчик сидела в столовке в самом углу за столиком. Она снова воткнула в уши наушники. На этот раз она действительно слушала музыку. Неподалёку от неё сидела компашка одноклассников. Они дружно смеялись над чем-то. Дима и Женя периодически подскакивали вверх в приступах хохота, девчонки вели себя более сдержанно, но не переставали улыбаться и кокетничать.

Одуванчик закрыла глаза. Она очутилась в кирпичном доме без окон и дверей. Но кирпичи были необычные, это были точь-в-точь сборники для подготовки к экзаменам по разным предметам. Здесь была и математика, и русский, и литература, и английский. Одуванчик освещала фонариком от телефона корешки книг и всё больше приходила в ужас. Наконец, она села на пол и отключила фонарик, чтобы погру-

зиться в более дружелюбную и уютную темноту. На мгновение Одуванчику показалось, что где-то капает вода, она снова зажгла фонарик. Ничего. Только стены, стены, стены...

Прогрохотала тележка с посудой. Ой! Одуванчик очнулась, открыла глаза. На полу осколки разбитой тарелки. Дима Шишкин стоял как вкопанный и смотрел на буфетчицу. Та смотрела на него в ответ, только злобно, с явным раздражением. Она медленно опустилась, подобрала осколки и поднялась обратно. Дима сглотнул и слегка отодвинулся в сторону.

– Ради бога... Я ж не это...

– Тфу! Что ты не это? А? – буфетчица раздражённо скинула осколки в тележку и рывком вернула её на дистанцию. – Ржут тут как лошади, руками машут. Ни стыда ни совести! – И покатила по направлению к кухне.

Дима недолго переживал по поводу случившегося. Он ментально выдал какую-то очередную тупую шутку, и окружавшие его дамочки захохотали, презрительно глядя на буфетчицу.

За пять минут до конца перемены заметно поредела очередь в буфет. На охоту за сосисками в тесте и пиццей вышли самые хитрые. Одуванчик снова решила послушать музыку. Но что-то явно было не так. Ей уже не хотелось ничего. Она с раздражением выдернула из ушей наушники, потянув за провод, и положила лицо на стол. Какая скука. Скука. Скука. Как вдруг ей в голову пришла совершенно гениальная

мысль. Она откопала в «кирпичном» доме зажигалку, пока возила рукой по полу.

Надо сбежать. Как в сериалах. Уйти и не возвращаться. И никаких тебе экзаменов. Никаких тебе одноклассников. Нужно только найти напарника. Одной страшновато как-то. Как в сериалах. Как в сериалах...

Одуванчик резко подняла голову, выпрямилась.

«Всё, первый, кто войдёт в столовую, пойдёт со мной», – подумала она, устремив взор на дверь. – «Это точно будет кто-то интересный. Другие в такое время в столовку не ходят».

Одуванчик застыла в ожидании. Две минуты до звонка. Это точно должен быть кто-то сумасшедший, кто-то безумный. Буфетчица начала собирать непроданные булочки и класть их в тележку. Минута до звонка. Неужели никто не придёт? Одуванчик уже отчаялась, она полезла под стол, чтобы поднять упавшую обёртку от «Твикса». В дверях показались ноги в кедах. Кто это? Кто-то вошёл. Одуванчик спешно вылезла из-под стола, ударившись головой. Ну же, кто это?

– Гоша?! – Одуванчик ненамеренно крикнула на весь зал.

Гоша обернулся. Он протягивал буфетчице мятый полтинник.

– Ты чего это? – спросил парень, получая сосиску в тесте, бережно завернутую в салфетку.

Одуванчик громко вздохнула. Не сработало. Гоша был так

называемым «заядлым ботаником». Он не получил ни одной четвёрки с пятого класса. А тогда, в пятом, ему поставила четвёрку пьяная русичка, которую настолько растрогало его сочинение, что у неё рука не поднялась поставить отлично. У них тогда был школьный корпоратив, но трудоголичку-русичку оторвать от проверки сочинений оказалось практически невозможно. Было принято решение принести тетради прямо на праздник.

Нет. Это было бесполезно. Он не то что сбежать не сможет, он даже уйти с последней физкультуры не рискнёт.

Гоша зачем-то подошёл к Одуванчику со своей сосиской в тесте. В голове у девушки всплывали кадры из недавно просмотренного сериала «Конец грёбаного мира».

– Чего звала? – спросил Гоша, откусывая кусок сосиски.

– Сейчас звонок будет, – Одуванчик посмотрела на часы.

– Вахтёрша уснула, наверное.

– Как?! – спохватился Гоша и тоже посмотрел на часы.

Прозвенел звонок. Гоша начал быстро запихивать сосиску в рот.

– Не подавись, – сказала Одуванчик и встала из-за стола.

Её терзали мысли о том, что, согласно уговору, который она сама придумала, она должна сбежать именно с Гошей. Но она совершенно не могла поверить в то, что он согласится на подобное.

И всё же она рискнула спросить.

– Слушай, вообще, у меня тут одна мысль появилась, –

начала Одуванчик, когда они с Гошей вышли из столовой. Тот всё ещё пытался судорожно запихнуть в рот сосиску. – Что если мы с тобой сбежим отсюда?

Гоша остановился. Он был похож на хомяка, который только учился жить по-хомячьи. Чтобы что-то ответить, ему потребовалось некоторое время.

– Как это? – выдавил он, протолкнув булку в пищевод.

Одуванчик и Гоша поднимались по лестнице.

– Ну так. Сбежим и всё. И не будем сдавать экзамены. Прямо как в сериале одном. Ты смотрел «Конец грёбаного мира?».

Гоша сморщился, погрузившись в раздумья.

– Не трать силы попусту. Я смотрела.

Ребята поднялись на нужный этаж и подошли к кабинету.

– Ну так как? Согласен? – Одуванчик заранее знала ответ.

– Блин. Ну это как-то слишком. Экзамены, сбежать...

Девушка разочарованно вздохнула и отвела взгляд в сторону.

– Ты прав. Не знаю, чего я ещё ожидала от такого паймальчика как ты...

Гоша почувствовал неприятный укол. Как будто ему задела горло эндоскопом во время гастроскопии.

– Почему сразу «пай»?

– А кто же ты? – искренне удивилась Одуванчик, вернув взгляд на собеседника. – Ты же даже урок пропустить не сможешь.

Гоша сделал обиженное лицо. Почему-то его задевали подобные высказывания.

– А что? Думаешь, я на такое не способен?

– Ну, давай честно. Думаю, что не способен.

Гоша снова нахмурился. Его уши порозовели.

– А давай просто попробуем, – воодушевилась Одуванчик и пошла прямо по коридору.

Гоша остался на месте. Он посмотрел на дверь кабинета, а затем на Одуванчика. Та помахала ему рукой. Гоша помялся пару минут, а затем потянулся к дверной ручке, бросив короткое и тихое: «Извини». Секунду спустя девушка стояла в коридоре одна. Откуда-то повеяло холодом. На этаже открыли окно.

«Что и требовалось доказать», – подумала про себя Одуванчик.

Глава 3

В квартире 56 всегда пахло чем-то вкусным. Сегодня это была жареная картошка с грибами. Но здесь вкусный обед нужно было заслужить.

Гоша переобувался в прихожей. Из кухни пулей вылетела мать, держа в руках миску со сливками. Она бросила беглый взгляд на сына и затараторила:

– Тапочки передел? Молодец. Иди руки мыть. Ботинки засунь в ящик, не оставляй при входе. Знаешь, я ведь вчера споткнулась о какие-то кроссовки! Кто бы кости мои потом собирал?

– Мам, это же были твои кроссовки.

– А ты их не убрал! Почему, спрашивается? О маме потому что не думаешь, вот почему. Вот старой буду, упаду, повезёшь меня потом в больницу. Будешь в палате сидеть с яблоками. Ой... Так. У меня же картошка. Видишь. Пока тебя воспитываешь, весь обед убежит!

Мама прошлёпала на кухню резиновыми тапочками. Это были специальные тапки для готовки. Их было не жалко испачкать. Потому что, естественно, первое, что страдает, когда «кулинарят», это ноги.

Гоша устало поплёлся в ванную. Он всё ещё думал о предложении Одуванчика и о том, что он, оказывается, действи-

тельно, не способен даже прогулять урок. Как это случилось? Когда он поставил крест на жизни подростка-бунтаря? Где же его аморальные надписи на двери в комнату, плакаты с голыми женщинами..? Нет, стоп. Это уже слишком. Наверное, оно должно выглядеть не так. Ну хорошо, может быть один плакат с голой женщиной. Этого будет достаточно. И одна циничная табличка на дверь.

Пока что, всё, что можно было найти у него в комнате – это куча учебников, художественных произведений и книг по психологии. Гошина мать часто с подозрением смотрела на последние, искренне не понимая, зачем сыну понадобилось изучать эту науку.

«Будешь меня потом попрекать всем подряд!», – говорила часто она, тряся одной из книг перед Гошиным лицом.

Гоша умылся, переоделся и зашёл в кухню. Его мама усердно мешала грибы со сливками в сковородке.

– Садись, Гошик. Сейчас я тебе положу. Буквально десять минуток.

Гоша сел за стол. Пару минут он молчал и перебирал пальцами бахрому на концах скатерти, но потом решил задать матери довольно провокационный вопрос.

– Мам.

– Да, дорогой?

– Скажи, а что бы ты сделала, если бы я получил тройку?

Мама отложила лопатку, которой мешала грибы и встре-

воженно посмотрела на сына.

– А ты что, получил тройку?

– Нет. Мам, я же говорю, ЕСЛИ бы я получил тройку. Гипотетически.

– Скажи мне. Если ты и правда получил тройку, скажи.

– Да мам! Нет никакой тройки. Я гипотетически тебя спрашиваю!

– Какая ещё гипотетическая тройка, а? – мама резко от-вернулась от плиты и села рядом с сыном за стол. – Ты что, тройки собрался получать? А обо мне ты подумал? Я что потом буду подругам говорить? Что у меня сын троечник? Да? Ты этого хочешь? – её глаза резко потускнели.

Гоша растерялся. Он редко видел маму такой расстроенной и напуганной. Кажется, она говорила серьёзно.

– Ну, хорошо. Ладно. Как скажешь. Сын троечник! Ура. Вот и моё достижение. Глядите как... Растила его, кормила, поила. А он так!

Запахло горелым. Мама вскочила со стула.

– Чёрт! Выйди отсюда. Спалила грибы из-за тебя.

Гоша понурился, завял. Он медленно встал из-за стола и направился в свою комнату. Мама всё ещё чертыхалась над плитой.

Пятнадцать минут спустя она постучалась в дверь к Гоше и робко прошла в комнату.

– Котик мой. Ну прости меня, – промурчала мама, подходя к Гошиной кровати. – Пошли кушать. Стынет всё. Ты же

сам сказал, что тройки не получал. Уверена, что у тебя одни пятёрки! – она ласково улыбнулась и потрепала ему рукой чёлку.

Гоша посмотрел матери в глаза. Он хотел спросить снова: «А что, если бы...», но не стал этого делать. Он и так знал ответ.

Глава 4

Одуванчик сидела на подоконнике в коридоре за тюлевой занавеской рядом с фикусом, который, казалось, пережил не только смену четырёх директоров, но и, наверное, смену всех правителей России за последние столетия.

На горизонте замаячила неприлично короткая юбка директрисы, отпугивавшей новых преподавателей мужского пола своей помадой арбузного цвета. Эта женщина выглядела в стенах школы настолько же нелепо, насколько она бы выглядела в каком-нибудь церковном приходе. Единственное, куда она могла ходить по воскресеньям (собственно, это она и делала) – это «Клуб одиноких сердец при городской библиотеке им. М.Ю. Лермонтова». Как ни странно, читательский клуб для одиночек она посещала едва ли не в хиджабе.

Одуванчик насторожилась. Существовала вероятность, что директриса пройдёт мимо и не заметит её, поэтому она не стала спрыгивать вниз. Директриса всегда находила чем занять свою голову на работе, ей явно было не до подоконников и фикусов. И уж тем более не до учеников.

Но почему-то она резко остановилась прямо напротив Одуванчика. Она будто бы пыталась что-то вспомнить. Наконец она посмотрела в сторону окна.

– Юная леди, я что-то не понимаю. Вы дома тоже себя так

вульгарно ведёте?

Одуванчик ничего не ответила, подумав: «Кто бы говорил», и молча спрыгнула на пол. Директриса, спохватившись, убежала дальше по коридору. Она должна была позвонить какому-то Дюше или Дрюше...

Одуванчик снова забралась на подоконник. Не успела она удобно устроиться рядом с фикусом, чтобы послушать музыку, как к окну подбежал Гоша. Его серые глаза бегали из стороны в сторону, лоб и волосы у его основания были мокрыми от пота.

Парень поправил рукой чёлку и выдохнул.

– В общем... Я думал вчера...

Одуванчик засунула плеер в карман брюк.

– Расскажи мне, куда ты хочешь сбежать? – продолжил

Гоша.

Одуванчик нахмурилась и поднесла палец к губам, призывая одноклассника к тишине.

– Ты чего орёшь на весь коридор? Хочешь, чтобы за нами все кинулись?

– Я... Я просто не знаю.

– Чего ты не знаешь?

– Чего я хочу, не знаю.

Одуванчик закатила глаза.

– И ты пришёл сюда, чтобы я тебе сказала, так что ли?

– Честно, я немного надеялся на это. Просто...

– Что «просто»? Давай быстрее рожай, скоро звонок про-

звенит. – злилась Одуванчик на нерасторопность Гоши.

– Просто мне страшно. – в его глазах мелькнул предвестник нарастающей внутри тревоги.

– Господи боже, – пролепетала Одуванчик, выдыхая воздух, – А я то тут причём? Тебя никто не заставляет.

Она воткнула в уши наушники и полезла правой рукой за плеером в карман джинс.

Гоша стал сильно переживать. Его глаза ещё быстрее забегали по сторонам в поисках поддержки и указания на правильное решение. Ответа не было.

– Я пойду с тобой, – прошептал он, слегка наклоняясь к однокласснице.

Одуванчик сделала вид, что не слышит. Она включила плеер.

– Слышишь? Я готов..., – продолжал шептать Гоша.

Одуванчик вынула один наушник из уха.

– Ты не пойдёшь. Зачем мне зря время терять?

Гоша сжал челюсти и с ужасом в глазах посмотрел на девушку. Ему казалось, что он вот-вот расплачется. Как будто мама вновь попросила его нарезать лук для обеда.

– Не смотри на меня так. Зачем тебе это? – искренне не понимала Одуванчик, болтая свободным наушником в воздухе.

– А тебе? – спросил Гоша, пытаясь проглотить вставший поперёк горла ком.

– Ну, ты странный, конечно. Как и любому ребёнку – что-

бы стать свободной. А вообще, я первая спросила.

Гоша растерянно окинул класс взглядом. До звонка оставались считанные минуты.

– Я не знаю, – пролепетал он, еле слышно.

– А ты что, уже не помнишь, как бросил меня одну в коридоре? – язвительно напомнила Одуванчик.

– Так то вчера, – заверял Гоша.

– «Так то» – урок, а тут – экзамены.

Гоша молча смотрел уже куда-то сквозь: то ли в стену, то ли в окно. У него в голове проплывали картины, в которых мать тоже спрашивала: «Зачем»? «Куда»? «С кем»? И так далее до бесконечности. И никогда он не мог ей нормально ответить. Как бы она это назвала «вразумительно».

Прозвенел звонок и все начали потихоньку заходить в класс. Одуванчик потянула за провод, чтобы второй наушник тоже освободился, положила плеер обратно в «хранилище», наушники запихнула в свободный карман, и, в очередной раз спрыгнув с подоконника, поплелась в кабинет. Гоша несколько секунд стоял на месте в растерянности, а потом медленно последовал за одноклассницей.

Оказавшись внутри, он дошёл до своего места, неспешно снял с плеч рюкзак, поставил его на стол, вынул по очереди все учебники, опустился на стул. Он с надеждой посмотрел на Одуванчика, которая сидела впереди. Та лишь мимолётно обернулась. Их взгляды встретились на долю секунды.

Она не знала, как ей поступить с Гошей. Сомнения одо-

левали её всё сильнее. Ведь, если быть честной, она и сама не могла уверенно ответить на вопросы. Её тактика заключалась в том, чтобы не задавать их себе вообще. А значит, не думать лишний раз ни о чём. А Гоша зачем-то взбередил в ней суетливого животного, который начал противно скрестись где-то внутри, чтобы докопаться до истины.

Глава 5

Комнату освещал яркий ночник. Одуванчик лежала в кровати и подкидывала к потолку теннисный мячик, который явно повидал виды: он был испещрѐн маленькими следами ударов, маркеров, ручек и чего-то ещё.

Она никак не могла понять, что ей делать с Гошей, ведь он очевидно мог испортить всю малину своим занудством и «правильностью». От него просто несло зубрѐжкой и ночами, проведѐнными за столом в скрюченном положении. К тому же, он ни-че-го не знает. Даже о своих желаниях. Как вообще можно было не осознавать, чего ты хочешь? Это же проще, чем дважды два.

Точно так же в кровати, но в полной темноте, лежал у себя дома Гоша и смотрел в потолок. Ему уже начало казаться, что люстра, потерявшая половину очертаний в темноте, куда-то поплыла, оттого как долго он на неё смотрел.

Может быть, Одуванчик права? И оставалось только бежать, чтобы избежать мучительных разговоров с матерью и полной капитуляции перед ней...

Гоша повернулся на бок и закрыл глаза в попытке уснуть. Но голова буквально раскалывалась от навязчивых мыслей. Его мозг будто снедал рой злобных пчѐл, которые вкручивались своими жалами-штопорами во все живые места и отго-

няли крыльями сон.

Как-то тихо, едва заметно, к этим звукам начал примешиваться другой источник шума, Гоша резко открыл глаза и начал внимательно вслушиваться в постепенно нарушавшуюся тишину.

Там, за дверью, его мать говорила с кем-то по телефону. И разговор проходил явно не гладко, но Гоша уже давно привык к этому, поэтому просто пытался разобрать слова.

– Ты снова вбиваешь в голову ему эту дурь. Петя, хватит! Мы уже сто раз это обсуждали. Никакой психологии. Он станет юристом, и точка.

И что? Это не он хочет, а ты ему навязал ерунду.

Что? Знаешь, я кладу трубку. И, слышишь, больше этот диалог не повторится. Раньше надо было о сыне думать. Всё. Хватит!

Мать Гоши действительно очень быстро повесила трубку. Было слышно, как она ненадолго отошла от двери, а потом снова к ней вернулась.

Спустя минуту, дверь в комнату приотворилась. Светлая полоска около неё очертила силуэты объектов в комнате. Гоша сделал вид, что уже видит седьмой сон, свесив руку с края кровати, приоткрыв рот.

Мать, крадучись, подошла к нему вплотную и осмотрела с ног до головы. Она будто искала малейшие изъяны в позе спящего, чтобы уличить его в притворстве.

Затем она наклонилась, приблизившись лицом к лицу Гоши, и нежно посмотрела на него, поглаживая ладонью по голове.

– Ты будешь самым лучшим юристом, сынок. Поверь мне, – прошептала она.

После ритуала общения со спящим сыном, она подошла к письменному столу, нажала на кнопку на умной колонке, и по комнате мягко, ненавязчиво, даже убаюкивающе разостлалось полотно из зачитываемого диктором текста. На записи перечисляли какие-то законы УК РФ, которые должны были обязательно появиться на экзамене по обществознанию.

Затем мать собрала в одну стопку несколько книг, лежавших там же, прижала её к груди и на цыпочках вышла из комнаты.

Как только щёлка у двери исчезла, Гоша моментально открыл глаза, вскочил с кровати и подбежал к столу. Он быстро нащупал кнопку выключения на колонке и присел на стул, чтобы отдышаться. Сердце отстукивало ритмы танцев папуасов.

Внезапно экран телефона, лежавший на столе, загорелся. Пришло сообщение.

Гоша протёр глаза, чтобы быстрее привыкнуть к яркому свету. В шторке висело:

«Встречаемся завтра после обеда во дворе школы. Если опоздаешь, уйду одна. Будем считать, что это твой отказ».

Гошино сердце заколотилось ещё быстрее, в ритме шаф-фла. Он положил телефон на стол, экраном вниз и поспешил вернуться в кровать.

Глава 6

Одуванчик сидела на деревянной скамейке во дворе школы. Там пахло сиренью и сыростью. Утром был проливной дождь. Совсем как летом. И пах он так же, как пахнет летом. И выглядел очень похоже: такой же прозрачный и с виду тёплый, обволакивающий, укутывающий во что-то нежное и родное. Единственной проблемой было то, что было только «почти лето», «почти летний дождь». До настоящих, казалось, рукой подать. И всё-таки эта рука была нескончаемо длинной.

На Одуванчике была клетчатая куртка и новые чёрные велосипедки. Она поглядывала по сторонам в поисках своего потенциального напарника. Время шло, но никто не показывался во дворе.

Конечно, чего она хотела? Так всё и должно было закончиться. Гоша – совершенно неподходящий ей человек. Того гляди, просто нажалуется потом её родителям и вообще всё испортит окончательно.

Одуванчик поднялась со скамейки и зашагала в сторону корпуса, где у них должен был проходить следующий урок. Она уже думала о том, чтобы просто прогулять весь оставшийся день, но непонятный страх начал будто теревить какие-то струнки внутри неё и шептать: «вернись, вернись...».

Когда ты один, любая сумасшедшая идея кажется ещё более безумной.

На уроке по русскому Одуванчик сидела около открытого окна и нежилась на солнышке, которое приятно ласкало её нос, глаза и щёки. Ни одно слово, произнесённое Аллой Евгеньевной, учительницей русского и литературы, не долетало до ушей девушки. Она лишь ещё больше увлекалась происходящим где-то внизу, под школьными окнами.

Внезапно крики детей на улице и щебетанье птиц перестали заглушаться речами Аллы Евгеньевны, и Одуванчик, опомнившись, вернулась телом и мыслями в класс. Русичка стояла у доски с указкой в руках и постукивала ею о вторую руку. Вокруг стояла тишина. Алла Евгеньевна вонзилась своим острым глазом прямо в девушку.

– Ну что, Дарья, пойдёшь к доске? – с расстановкой спросила она, перестав мучить указку.

Одуванчик разочарованно вздохнула и, уже собралась встать с места, как в класс почти что с разбега влетела классуха.

– Сидите! – сразу же бросила она, – Дети мои, у нас печальные новости: средний балл значительно повысился во многих вузах. Нам придётся вводить дополнительные уроки и пробники...

К слову, классуха была единственным человеком в школе, к которому Одуванчик испытывала симпатию. Учитель-

ница всегда вежливо и мягко общалась с детьми, никогда ни на кого не кричала, не унижала публично. А ещё, часто подерживала саму девушку, спрашивала её о самочувствии, настроении, делах дома, в семье. Одуванчик никогда не понимала, чем заслужила такое отношение, но, конечно, ей было приятно.

А сейчас самый добрый и хороший человек в школе общал самые недобрые и плохие новости.

Ещё пробники? Да она с этими то едва справляется. А что значит «больше дополнительных уроков»? То есть, о свободном времени теперь вообще речи не идёт!?

Пока Ирина Андреевна с печалью в голосе делилась нововведениями, Одуванчик встала с места и уверенно пошла к дверям. Проходя мимо классной, она бросила:

– Извините, я в туалет.

И покинула кабинет.

В туалете всегда можно было о чём-нибудь подумать, помечтать, прикинуть планы на будущее и всё такое. Именно этим Одуванчик и занималась большую часть времени, когда отпрашивалась с урока, но сейчас она просто хотела рвать и метать. Чтобы, как говорят, всё «горело синим пламенем», чтобы её наконец-то оставили в покое и дали спокойно жить.

Под горячую руку сразу же попала несчастная батарея, располагавшаяся в углу туалетной комнаты, рядом с окном. Одуванчик хлопнула по ней рукой. Вибрация от удара мгновенно расползлась по системе отопления глухим дребезжа-

нием.

Нет, никаких экзаменов в её жизни не будет. Она выбирает бежать. Пускай одной, пускай. Она всё равно не сможет оставаться дома.

Одуванчик стояла у зеркала, опёршись руками на грязную раковину, и сурово вглядывалась в своё отражение. Ей казалось, что она вот-вот зарычит и разорвёт на куски всех, кто осмелится появиться в туалете.

Глава 7

Гоша сидел на кухне и уплетал горячий сырный суп – его любимый. В дверях показалась мама. Она промурлыкала:

– Гошик, как тебе супчик?

– Очень вкусный, мам! – воскликнул Гоша, улыбаясь. – Как и всегда.

– Ну ты хитрюга и льстец, конечно, – будто бы застеснялась мать. – Можно подумать, ты мне когда-то что-то другое говорил.

Гоша снова улыбнулся, но после быстро посерьёзnel. Он будто осознал, как часто, действительно, хвалил то, что делала его мать. Даже когда ему не очень-то и нравилось. Или не нравилось вовсе.

– Знаешь, я тут прочитала одну интересную статью, – продолжила разговор мама. – Говорят, что быстрее запомнить всю необходимую информацию помогает максимальная фокусировка на одной теме. Понимаешь? – она как-то кокетливо посмотрела на сына.

Гоша сразу понял, к чему идёт разговор, поэтому решил просто молча кивнуть в ответ, чтобы не развивать неприятную ему тему.

– Учитывая, что у вас там средний балл повысили, думаю, это очень хорошая идея... – женщина упорно сверлила сына

глазами, чтобы донести мысль навверняка.

Гоша вытер салфеткой рот и встал из-за стола:

– Мам, я всё, спасибо. Было очень вкусно, – на этот раз все слова звучали сухо. Они будто рассыпались дробью по столу.

Гошина мать не ожидала такой резкой перемены настроения в сыне, поэтому на её лице отразился след лёгкой обиды.

Уже в своей комнате парень начал любовно перебирать все книги по психологии, которые лежали у него на столе и полках шкафа. И почему-то одной книги не было нигде. Даже под кроватью, куда иногда попадала некоторая «контрабанда».

Гоша засуетился и занервничал, быстро перекладывая книги из одной стопки в другую, пересчитывая их, потом периодически останавливаясь на каждой, изучая детально. Он помнил о том собрании сочинений всё – от цвета обложки до названия шрифта, которым было написано название.

Все попытки найти книгу оказались тщетны. Она просто испарилась из его комнаты.

Часом позже, когда Гоша снова проголодался, он проник на кухню. Ему хотелось, чтобы мама не знала о его присутствии там и просто позволила ему съесть второе в одиночестве.

Достав из холодильника тарелку с пюре и рыбной котлетой, он зацепился взглядом за банку колы, которая стояла

на самой верхней полке, и вынул её вместе с обедом. Конечно, эта банка предназначалась «хорошему» Гоше, который сделал всю домашку и помог матери приготовить ужин или прибраться в квартире, но сейчас ему было абсолютно всё равно – он хотел выпить колу.

Гоша сидел совершенно довольный за столом и подставлялся лучам солнца, которые приятно грели его уши и затылок. Он медленно жевал пищу, наслаждаясь каждым моментом тишины и спокойствия. Кола тоже приятно растекалась по желудку, а её пузырьки газа нежно щекотали ротовую полость. Благодать...

Но прозвенел будильник на пять часов вечера, который мать обычно ставила, чтобы начинать готовить ужин. Гоша встрепенулся и поспешил выкинуть пустую банку в мусорку под раковиной. Он резко открыл дверцу, бросил жестянку, удостоверился в том, что не промахнулся, и уже собрался испариться из потенциально опасной зоны, как ему бросилась в глаза та самая обложка с тем самым шрифтом. Собрание, которое он искал, было аккуратно приставлено к стенке шкафчика с внутренней стороны, прямо рядом с мусорным баком.

Гошины глаза засверкали от резко подступивших слёз. Он еле сдержался, чтобы не выдать себя матери, которая уже приближалась к кухне.

– Ты чего тут? – спросила она, оглядываясь.

– Да вот, пообедал, – Гоша моментально начал чесать за-

ТЫЛОК.

– Колу выпил? – нахмурилась мать.

Гоше стало настолько больно и обидно от увиденного, что он не заметил, как начал больно щипать себя за шею.

– Да, – ответил он мрачно и вышел из кухни.

Глава 8

Это утро Одуванчика началось с самого обыкновенного ритуала: её мама готовила завтрак и обед в школу, папа увлечённо читал газету, а по телевизору шли то новости, то какие-то передачи по готовке, то ещё какая-то белиберда, которую Одуванчику смотреть совсем не хотелось.

Единственное, что отличало это утро от миллиардов других, было то, что Одуванчик знала на сто процентов, что именно сегодня она сбежит. Она была уверена, что именно сегодня вся её жизнь заиграет новыми красками, а всё серое, скучное и ненужное останется в её прошлой жизни.

Самое страшное, наверное, во всём этом было то, что Одуванчик так и не знала, сделает она это одна, или вместе с Гошей. А всё потому, что за день до этого, он ни с того, ни с сего написал ей о том, что готов. И почему-то добавил, что готов не так, как в последний раз, а по-настоящему, без шуток.

Девушку это сообщение, как минимум, заинтриговало, и, как максимум, вызвало смесь из страха, уверенности и решимости. Никакой веры в Гошу быть не могло, но он зацепил её фразой «я всё расскажу при встрече». Как она поняла, случилось что-то серьёзное. И это уже интересно.

Ребята договорились встретиться там же во дворе, где должна была состояться первая встреча. Одуванчик даже

оделась так же, чтобы отдать дань традициям.

«Что же произошло? Почему он передумал?», – вертелось у неё в голове все два урока, которые пришлось высидеть прежде, чем можно было наконец-то отправиться во двор.

Наконец, на первой большой перемене детям разрешили выйти на улицу строго на территории школы, чтобы подышать свежим воздухом. Мальчишки стремглав бросились к футбольному полю, а некоторые девчонки вышли на них посмотреть. Среди ребят, конечно же, были Шишка и Машка и другие одноклассники Одуванчика. Когда она вышла на улицу, по её лицу скользнула ехидная улыбка – уж что-что, а в дураках теперь точно не ей оставаться.

Усевшись на свободную скамейку, Одуванчик закрыла глаза и снова стала наслаждаться согревающим солнцем. Пока не было жары, подобное занятие поистине стоило многого.

От перемены, длившейся двадцать минут, оставалось всего ничего. Никакого Гоши не было и в помине.

А чего она ожидала? Что он внезапно появится в последний момент? Или что сюрпризом объявится в первые минуты перемены? Гоша – это Гоша. Больше тут нечего сказать.

Одуванчик резко встала со скамейки и пнула ногой камешек так, что он громко проскрежетал по асфальту, прежде чем отлететь в сторону.

Ну и ладно! Ну и пусть! Она пойдёт одна. Ха. Уж она то ничего не испугается в отличие от этого труса Гоши...

Девушку остановил негромкий оклик. Она посмотрела в сторону, откуда шёл звук. Недалеко от опустевшего футбольного поля стоял Гоша.

Он не спеша двинулся к однокласснице с рюкзаком наперевес. Парень остановился рядом с Одуванчиком и поправил растрепавшуюся от ветра чёлку. Одуванчик смерила его взглядом, бегло оценила пригодность экземпляра к авантурным путешествиям.

– Ты кроме этих кед что-нибудь носишь? – спросила она Гошу, рассматривая его обувь.

– Ношу, – серьёзно ответил тот.

– Ясно, – ответила Одуванчик. – Я думала, что ты не придёшь.

Гоша виновато опустил голову вниз и засунул руки в карманы.

– Я тоже, если честно.

– И почему пришёл? – Одуванчик почувствовала, как у неё почему-то перехватило дыхание после этого вопроса.

– Не знаю, – уныло ответил парень.

– Ты вообще хоть что-нибудь знаешь в этой жизни? – девушка раздражённо выдохнула воздух перед этим вопросом. – Ты говорил, что у тебя что-то случилось. О чём была речь?

– Мама выкинула важную для меня книгу.

Одуванчик выдержала небольшую паузу, а потом попыталась удержать вырывающийся смешок. Получилось это у неё крайне плохо.

Она сжала губы, чтобы подавить требовавшую свободы улыбку.

– И всё?

Гоша будто потемнел. Он сжал руки в кулаки и сомкнул челюсти.

– Эта книга была важна для меня...

Одуванчик сразу же заметила изменения в лице и голосе одноклассника, поэтому поспешила дать заднюю.

– Прости, я не знала... – пролепетала она, но казалось, что она всё равно искренне не понимала чувств Гоши. – Ладно, чего былое вспоминать, предлагаю подумать о будущем, – этой фразой она постаралась разрядить обстановку и дать понять парню, что всё в порядке и он может расслабиться. – Давай по делу. Каков план?

Гоша в недоумении посмотрел на одноклассницу.

– Как какой план? Я думал, он у тебя уже есть.

Одуванчик сперва замялась, но поспешила сразу же скрыть своё замешательство за резкими движениями, словами и действиями. Если боишься – нападай. Бей и беги.

– Это же спонтанный поступок! Плана нет. Но нужны же какие-то идеи.

Девушка глубоко вздохнула, стараясь таким образом успокоить нараставшие внутри волнение и напряжение. Можно готовиться к переменам сколько угодно, но это не значит, что когда-нибудь будешь по-настоящему готов.

– Не знаю, я привык... – начал было тягуче отвечать па-

рень.

– Стоп-стоп! Никаких «я привык». Выкидывай эту ерунду в помойку. Теперь ты делаешь только то, что никогда не делал.

У Одуванчика засверкали глаза. Собственная придумка показалась ей гениальной. Главное, не давать себе или своему напарнику время на передышку. Только вперёд!

– А ты? – уточнил Гоша.

– И я. Смотри. Давай так. Что первое в голову приходит, то и делаем, окей? Вот тебе что первое пришло?

Гоша помолчал какое-то время, подумал и сказал:

– Пойти в магазин.

– Фу. Ну что за бред! Ты явно не это первое подумал. А ну не лмайся, говори, что первое было! – Одуванчик легонько толкнула Гошу в бок.

Тот задумался, потом снова сказал:

– Да то и было первое. Чё ты придираешься...

Одуванчик с сомнением покачала головой.

– Ой, врёшь, ты, конечно. Ну ладно. Бог с тобой. Сейчас тогда мой вариант рассматривать будем... О! Придумала, бежим на электричку!

– На какую ещё электричку?

– Да на любую. У тебя деньги с собой есть?

– Мало. Только на сосиску...

– Ну ты даёшь, конечно! И как ты собрался удирать? Тогда бежим сначала ко мне домой. У меня в копилке много

должно быть. Я на фотоаппарат копила.

Гоша сидел и моргал глазами будто в замедленной съёмке. Подобная спешка сбивала его с толку.

– А как же твой фотик тогда?

Одуванчик посмотрела Гоше в глаза. Серые, как она заметила только сейчас. Странно. Обычный вопрос. А так необычно слышать.

– Ничего. Я потом себе тыщу фотиков куплю. Когда вырасту и стану счастливой.

Одуванчик поднялась со скамейки и побежала к выходу со двора, помахав Гоше рукой, чтобы он бежал за ней. Гоша покачал головой, вздохнул, снова поморгал глазами, обвёл, на всякий случай, взглядом двор, мысленно прощаясь, и медленно последовал за Одуванчиком.

У дома с тремя эркерами ребята остановились. Гоша начал сразу же внимательно изучать внушительные бетонные лепнины со львами, головами и какими-то богами из мифов. Наконец, он сказал, не опуская головы:

– Я здесь подожду.

– Окей. Я быстро. Захватчу рюкзак ещё.

– Тогда и ко мне потом надо будет заскочить.

– Ещё бы. Трусы то надо взять в путешествие, – улыбнулась Одуванчик и вошла в парадную.

Гоша тоже улыбнулся. Он немного отошёл от входной двери и, когда ему надоело смотреть на непонятно чьи головы,

начал катать ногой какую-то пластиковую трубочку, лежавшую на земле, чтобы хоть чем-то себя занять.

Дома Одуванчик проскользнула к себе в комнату и тихонько вскрыла свой тайничок с богатствами. Её глаза увлажнились: как-никак она собирала эти деньги последние два года. Первый раз она сложила туда довольно крупную купюру, когда продала на улице двум женщинам инструкцию «Как стать счастливым». Она была уверена, что за такие деньги они больше нигде ничего подобного не купят. Скорее всего, так и было. Жалко, нельзя было узнать насколько они счастливы сейчас. И правильную ли инструкцию она пишет для себя...

Там в тайничке были подарки на дни рождения, остатки со школьных обедов, много-много мелочи и одна тысяча-черублёвая купюра, которая пропахла эвкалиптом. Занимательнейшая история. Одуванчик вместе со своей подругой Леной, которая уже давно переехала в другой город, устроили завод по печати денег прямо у неё дома. Они стащили у Лениной мамы тысячу, чтобы в точности скопировать с неё рисунок. Им было важно разработать максимально достоверную подделку вплоть до идентичного запаха. Масло эвкалипта и многие другие эфирные масла, которые стояли в шкафчике в родительской комнате, не удовлетворили вкусы двух экспертов, но при попытке закрыть шкафчик по чьей-то неосторожности эвкалиптовое масло вытекло полностью

на купюру. Ленина мама отдала девочкам многострадальную бумажку и запретила впредь открывать шкафчик. Одуванчик скучала по Лене.

Одуванчик сложила тысячу в небольшой бархатный пакетик с завязками и убрала его в карман рюкзака. Остальные деньги очутились в просторном пенале, из которого она вынула всю канцелярию.

– Трусы – есть. Носки – есть. Деньги – есть. Можно и в путь! – прошептала Одуванчик и так же тихо и осторожно вышла из комнаты.

Проходя мимо родительской комнаты, она остановилась. Одуванчик колебалась – оставить ли им записку, чтобы не волновались. С одной стороны, ей уже совсем скоро восемнадцать, а, значит, делать можно всё, что душе угодно. С другой, они у неё те ещё невротики. Одуванчик взяла с тумбы в коридоре карандаш, оторвала от стопки самоклеек один листочек и написала:

«Мам, пап, я вас люблю», – нет, стоп, слишком сентиментально. «Мам, пап. Так больше жить нельзя. Вы должны понять. Ведь я была рождена для чего-то большего, вы согласны? Со мной всё в порядке, убиваться не собираюсь, всего лишь ищу себя!».

Она бросила карандаш обратно на тумбу. Коридор дышал на неё деревом вперемежку с мамиными духами и нафталином. Почему-то в приглушённом свете он выглядел неестественно длинным. Как будто там впереди было ещё тыся-

чи две комнат. И все с одинаковыми дверьми, а за ними нескончаемые вереницы родственников, друзей семьи и других осуждающих поступок Одуванчика личностей. Конечно, за такое по головке никто не погладит, но неужели обязательно смотреть вот так? Как будто электричка идёт в никуда, кормить там не будут, а вот заняться пытками или избить готовы за милую душу. Электричка – позорный столб для молодёжи 21-го века, куда набиваются лишь бездари и отпетое хулиганье с отщепенцами под мышкой. Так бы сказала тётя Валя. Или дядя Рома. Или ещё какой-нибудь дяде-тётъ. Едва бы они заметили вдали ту самую электричку, на которую так спешила Одуванчик.

Но она не видела ничего такого. Просто зелёный поезд с зелёными вагонами и оранжевыми ребристыми скамейками. Мороженое из толстеного полипропиленового мешка, сигареты в окнах, громкие разговоры, иногда ругань, иногда песни. И всё.

Одуванчик снова посмотрела в сторону комнаты родителей. Лёгкая грусть кольнула булавкой в подреберье. Всё-таки их дверь не выглядела настолько непривлекательной, как остальные. Не хотелось уходить вот так. Она не знала, что ждало их с Гошей впереди. Не знала, когда они вернутся, и вернутся ли. Но отступать было поздно, да и некуда.

Когда Гоша переступил порог своей квартиры, на него обрушилась лавина из бессмысленных восклицаний попеременно с вопросами о том, как он себя чувствует, почему так ра-

но, голодный ли. Только стянув с ног кеды, молчаливо постояв с минуту, он смог вставить несколько слов:

– Мам, я забыл кое-что. Сейчас буду обратно в школу возвращаться.

У Гоши спёрло дыхание, когда он закончил предложение. Он никогда не врал матери. И сейчас ему казалось, что он совершает преступление. Именно поэтому он решил больше не говорить ни слова. Он прошёл к себе в комнату.

– Может, покушаешь? – не унималась мать, порываясь пойти на кухню.

Гоша молчал.

– А чего ты забыл-то вдруг? Никогда не возвращался из школы среди дня... Сынок, а ты не прогуливаешь?

Гоша копался в своём ящике с бельём, долго думал, что ещё взять с собой. Прошерстил всю комнату. Наконец, в дверном проёме показалась его мать, она осторожно толкнула дверь.

– Гоша, ты чего не отвечаешь?

Увидев рюкзак, набитый до отказа, мама перепугалась не на шутку. Её глаза округлились, а где-то в районе солнечного сплетения что-то сжалось.

– Сын, ты чего? Это что такое?

Гоша бросился к рюкзаку и спрятал его за спину. Только после того, как он это сделал, ему в голову пришло осознание степени глупости подобного поступка.

– Мам... – начал он неуверенно.

Та пристально смотрела на него, ожидая объяснения.

– Нет, хватит. Я не понимаю, почему должен оправдываться перед тобой. Ты же не знаешь, зачем мне всё это в школу. А если мы ставим спектакль?

– В конце одиннадцатого класса?

– Мам, у нас последний звонок.

– Так и чего ты прячешься, как вор?

– Я не знаю.

Гоша поднялся с колен, подхватив рюкзак. Он смотрел на маму, не зная, как уйти. Эта женщина, со своими морщинами от частого недовольства, духами, которые она наносила, не собираясь выходить из дома, красной помадой, никогда не выходящей за границы губ, прямо сейчас казалась ему совершенно чужой, незнакомкой, которая старалась насильно заставить его сесть пообедать.

Уходить было и странно, и логично. И незачем, и совершенно необходимо. Так что же делать?

Гоша не помнил, как он вышел сначала из комнаты, потом из квартиры, потом из парадной. Он будто бы отключился. Наверное, его мама кричала, чтобы добиться ответа на свои бесконечные вопросы. Наверное, она угрожала наказать его, потом перешла с кнута на пряник и долго упрашивала съесть хоть что-нибудь, затем отчаялась и начала давить на жалость, катаясь в истерике прямо на коврик при входе. Он не слышал всего этого. Поэтому выйти из квартиры оказалось не так уж трудно.

Перед входной дверью на лестнице Гоша всё же остановился, на всякий случай прислушался. Тишина. Всё спокойно, можно идти. Входная дверь захлопнулась за ним, и где-то на втором этаже прозвучали тихие всхлипывания, прерываемые еле слышным бормотаньем. А на том же этаже в квартире, спустя пару минут, кто-то достал из шкафчика «Корвалол» и налил в чашку с водой пару капель.

Когда Гоша оказался на улице, они с Одуванчиком поспешили на вокзал. Рюкзаки болтались на спинах уже с характерными звуками: либо буль-буль, если там была вода, либо тук-тук, если другие громкие предметы.

– А что у тебя там? – поинтересовалась Одуванчик, услышав чёткий тук-тук, когда Гоша прошагал в вагон метро и встал у противоположных дверей.

– Да так. Взял пару книжек.

Одуванчик улыбнулась.

– Ага. Книжек. Чего врешь-то? Слышу же, что не книжки это.

Гоша отвёл взгляд в сторону.

– Книжки.

– Ладно тебе. Колись.

Гоша задрал нос и отвернулся. Наконец, он сдался, посмотрел на Одуванчика, которая продолжала стоять, умоляя, снял с плеч рюкзак, открыл его и показал внутренности однокласснице.

Одуванчик нырнула носом внутрь и сразу же разочаро-

ванно вынырнула обратно.

– Это что? – спросила она недоумённо.

– Я же сказал, что книжки, – недовольно сообщил Гоша, закрывая рюкзак.

– Блин, я уже подумала, что контрабанда какая-нибудь. У таких как ты всегда в загашнике припрятана нелегальщина, – Одуванчик лукаво улыбнулась.

– Таких как я? – удивился Гоша.

– Ну да, – Одуванчик прислонилась спиной к поручням, которые располагались позади, рядом с сиденьями, и стала возить пальцем по стеклу двери.

Гоша изменился в лице. Оно как будто потемнело у него, стало каким-то тёмно-коричневым.

– А чем я от тебя, интересно, отличаюсь? – спросил он мрачно.

– Да, собственно, ничем. Просто я не так парюсь из-за учёбы. А ты, вон, даже книжки с собой таскаешь.

– Ничего плохого нет в том, чтобы читать, – буркнул Гоша и тоже повернулся лицом к стеклу.

– Да нет, конечно. Просто это забавно, понимаешь? Это же не вещь первой необходимости.

Гоша молчал. И становился всё более коричневым. А ещё у него слегка порозовели уши.

Ребята ехали какое-то время молча, как вдруг Одуванчик воскликнула:

– Кстати, хотела кое-что сказать!

Гоша посмотрел на неё.

– В том сериале, про который я тебе говорила, там парень и девушка влюбляются друг в друга, понимаешь?

Гоша утвердительно кивнул.

– Так вот. У нас такого быть не должно. Договорились? Мне уже нравится один мальчик.

Гоша снова кивнул. Ему, в общем-то, было совершенно всё равно. Он ехал за приключениями, а не за любовью. Ему всё ещё казалось, что это девчачье дело – влюбляться.

Ребята подъехали к нужной станции. Голос в громкоговорителе протрещал её название, как только раскрылись двери, Одуванчик на всей скорости рванула к выходу. Она схватила Гошу за руку, и они вместе помчались к эскалаторам.

– Давай-давай! Представь, что за нами погоня! – кричала Одуванчик набирая скорость.

Гоша попытался вырваться из её рук, но она не отпускала, а только больше сжимала его запястье.

– Бежим!

Гоша, начав выдыхаться, стал заметно отставать. Тогда Одуванчик предприняла крайние меры. Она замедлила шаг, ребята ступили на эскалатор и начали медленно подниматься по ступеням. Гоша покорно следовал за спутницей. Внезапно Одуванчик остановилась рядом с мужчиной в велюровом пиджаке и широкополой шляпе с чёрной лентой. Она стояла рядом с ним пару секунд, а затем быстрым движением руки сорвала с него головной убор, надела его на Гошу и по-

тянула парня вверх за собой. Теперь и Гоша бежал, что было мочи. Он очень не хотел встречаться с тем мужчиной лицом к лицу. Одуванчик хохотала. И этот безудержный хохот разлетался по всему метрополитену, разъезжая по эскалаторам вверх и вниз. Когда они вдвоём оказались наверху, Одуванчик аккуратно сняла с Гоши шляпу и передала её одному из сотрудников метрополитена, который в растерянности посмотрел на странную парочку. Одуванчик в ответ лишь пожал плечами, как бы объясняясь, и попросила передать шляпу мужчине в велюровом пиджаке.

– Ты сумасшедшая! – прошипел Гоша ей на ухо.

– Да, – кокетливо ответила Одуванчик.

Оказавшись на улице, ребята направились к громадному зданию вокзала. Гоша впервые видел такие высоченные гранитные колонны, которые опоясывали каменную ротонду вестибюля. Прямо над головами ребят реял широченный флаг со словами «Городской Вокзал». Реял он, конечно, относительно. Флаг был выточен из мрамора, а название высечено прямо в его центре. Одуванчик не раз бывала в этом месте, путешествуя со своей семьёй. Но каждый раз, как в первый, она раскрывала в удивлении рот.

Оказавшись в вестибюле, Одуванчик снова схватила Гошу за руку. Тот рефлекторно её отдёргнул.

– Нам нужны пригородные. Я сейчас посмотрю, что лучше выбрать.

Одуванчик кинулась к цифровому табло.

Гоша ещё пытался прийти в себя после всего, что ему пришлось пережить. Он часто дышал и настороженно оглядывался вокруг. Каждый человек внушал ему недоверие. Переполненный скепсиса, он хмурился, глядя на дачников с рюкзаками и сумками. Те, что были с кустами или цветами в пакетах особенно пугали его: в конце мая с цветами? Да ещё и на дачу, а не с неё. Бред.

Одуванчик быстро вернулась к Гоше и потащила к кассам. На этот раз она схватила его за футболку.

– Бери до Жожелево.

– Почему туда?

– У меня там бабушка живёт.

– Врёшь, – Гоша сощурился и недоверчиво посмотрел на Одуванчика.

– Вот ты ей так и скажи. Останешься без крыжовникового варенья, – уверенно ответила девушка.

Гоша быстро смирился. В сущности, ему было совершенно всё равно куда и к кому ехать. Он вклинился в одну из многочисленных очередей, кишевших бабками и дедками с разнообразными котомками. Одна седая старушка в зелёном платке в горошек, которая показалась ему поначалу довольно милой, и которую он даже великодушно пропустил вперёд, пихнула его локтем в попытке достать что-то из своей тележки. Она не то что не извинилась в дальнейшем, но и наступила ему на ногу, недовольно посапывая и поглядывая назад. Гоша пересёкся с ней взглядом. И сразу же пожалел о

том, что вообще посмотрел ей в глаза. На него опрокинулся чан с презрением и недовольством.

Когда подошла его очередь, он буквально подскочил к кассе, подталкиваемый другими назойливыми стариками.

– Два до Жожелево, – тихо сказал он.

– 245 рублей. Поторопитесь.

Гоша взял билеты и подошёл к Одуванчику, которая мирно ждала его посреди огромного зала. Она изучала плитку, выложенную мозаикой на полу.

– Всё? – её глаза загорелись. – Скорее.

– Она почему-то сказала поторопиться, – задумчиво произнёс Гоша, идя в сторону выхода к поездам. Когда они подошли к табло, он чуть не рухнул на пол без чувств.

– Почему там написано, что поезд отходит через две минуты?

У Гоши на лице читалась нешуточная тревога вперемежку с толикой отчаяния.

– Потому что, – бросила Одуванчик и побежала к турникету.

Гоше пришлось сделать то же самое. Они снова бежали вдвоём сломя голову, только уже по перрону. Гоша проклинал день, когда купил в столовке ту сосиску в тесте. Ту роковую сосиску в тесте.

Буквально за долю секунды до закрытия дверей ребята ворвались в один из вагонов и оба сразу же наклонились вперёд в попытке отдышаться. Поезд, качнувшись, тронулся.

Одуванчик посмотрела на Гошу, тот явно был ещё не в себе: он громко и тяжело дышал. Спустя полминуты Одуванчик выпрямилась и облокотилась на дверь. Она улыбалась и смотрела в окно на мелькающие городские пейзажи, которые оставались позади, постепенно растворяясь в бескрайнем царстве буйной зелени. Гоша тоже выпрямился. Он был явно очень недоволен.

– Зачем ты выбрала электричку, которая вот-вот должна отойти?

– Так это же интересно! Представляешь, чуть не опоздали. Ещё бы секунда – и всё. Адреналин, экшен. По-моему, здорово, – просияла Одуванчик, она пыталась успокоить Гошу взглядом.

– По-моему, я сейчас откинусь, – парень схватился за бок и снова сморщился.

Электричка мчалась, постукивая колёсами, в притягательную неизвестность. Конечно, никакой бабушки в Жоже-лево не было.

Глава 9

По вагону скакали солнечные зайцы. Они будто взбесились. Одуванчик видела, как они, жёлтые, мохнатые, маленькие, прыгают со стены на пол, на скамейку и обратно. Иногда они сталкивались, перепрыгивали друг через друга, ловили товарищей на лету. Постоянное движение. Бесконечный хаос. Но куда же они хотели попасть в итоге?

Гоша устал стоять. Они ехали уже около сорока минут. Ему захотелось присесть, но места были только на грязном полу. Гоша медленно опустился вниз. Одуванчик посмотрела на него и хитро улыбнулась. Парень не понял намёка. Одуванчик отвела взгляд в сторону и посерьёзнела. Её снова заинтересовали сумасшедшие зайцы.

Через две минуты электричка остановилась, объявили станцию, двери открылись и захлопнулись снова. Одуванчик медленно подошла к Гоше и села с ним рядом.

– На следующей выходим, – сообщила она, глядя на одноклассника.

– Уже? – удивился Гоша.

– Да.

Одуванчик встала и подошла к дверям. Гоша не двигался. Он слишком ценил возможность не двигаться в жизни. В школе постоянно надо было ходить из класса в класс, до-

ма мать заставляла выходить в магазин за продуктами или просила начистить до блеска плитус за комодом. Видимо, паркетные жуки у них были довольно-таки привередливыми жильцами, да к тому же, эстетами.

Электричка замедлила ход. Гоша, качаясь и едва не упав обратно на пол, поднялся на ноги.

Ребята вышли на жаркую платформу. Солнце приятно щекотало все органы чувств. Одуванчик и Гоша одновременно довольно зажмурились. Разжмурившись обратно, Гоша нечаянно наткнулся глазами на табличку с надписью: «Луг». Что-то не складывалось.

– А ну постой. Это ещё что такое? – Гоша подошёл вплотную к табличке. Он обернулся в недоумении на Одуванчика. – Какой ещё «Луг»? А?

Он сам не понял, как умудрился прослушать название станции.

Одуванчик почесала затылок и задумчиво посмотрела назад.

Гоша подошёл к ней. Он начинал злиться. У него снова покраснели уши.

– А как же твоя бабушка?

Одуванчик повернулась лицом к Гоше. Она старалась смотреть на него, что называется, проникновенно, чтобы затронуть все струны души.

– Ну что ты в самом деле. Мы же в спонтанном путешествии. Здесь всё новое. Вот куст, например, – она подошла

к кусту, который высовывался из-за ограды. – Я его вижу в первый раз и от этого мне радостно на душе!

Гоша драматично вздохнул и закрыл лицо рукой. Когда рука переехала на лоб, он страдальчески спросил, обращаясь к кому-то абстрактному:

– Ну зачем, зачем я согласился? Глупость какая-то вышла. Честное слово.

Собравшись духом, он убрал руку с лица и пошёл в сторону касс. Одуванчик тут же поспешила за ним вдогонку.

– Ну стой. Гоша, блин. Я так и знала!

Гоша был неумолим. Он принял совершенно взвешенное решение о том, чтобы вернуться домой. Пусть к матери, пусть к пятёркам, экзамену по общаге и резиновым тапкам для готовки, но домой.

Одуванчик пыталась нащупать рычаг воздействия на парня.

Расплакаться было бы тупо. Да он и не поверит. Может быть, инсценировать смерть? А как тогда дальше быть... Может быть, умереть наполовину? Или на четверть?

Наконец, она не выдержала, резко остановилась и топнула ногой.

– Ну и пожалуйста! – крикнула Одуванчик на весь перрон. – Уходи! Ботаник несчастный. Жить без своих пятёрок не можешь. Тебе за всё нужно оценки получать? – она сделала небольшую паузу и проверила реакцию зрителей и самого Гоши. Она была уверена, что он, как минимум, сгорит от

стыда. Гоша только остановился, но не поворачивался. Его уши снова стали малиновыми, – Ну хорошо. Вот тогда тебе твоя оценка: два за побег.

Теперь уже не выдержал Гоша. Он быстро подбежал к Одуванчику, извиняясь на ходу перед теми, кто стал свидетелем неприличной сцены.

– Ты совсем с ума сошла? – прошептал он, стиснув зубы.

Одуванчик немного отступила назад. Она не ожидала такой реакции на своё выступление.

– Ты вообще понимаешь, что говоришь? Ты думаешь, мне так просто даются эти пятёрки? Думаешь, я двинутый такой, да? Не могу двойки получать? Да, не могу. Но я не двинутый! А вот ты... – Гоша застыл на месте. Он не решался продолжить мысль. – А и ладно.

Гоша махнул рукой и уверенным шагом пошёл по перрону. Только не в сторону касс, а к выходу со станции. Одуванчик не могла понять, что произошло. Ей внезапно стало невероятно стыдно за свои слова. Она ведь даже подумала, что её придумка сродни гениальности. А обернулось всё совсем не так, как хотелось бы. Никто не смеялся, зрители не аплодировали, не просили повторить на бис. Гоша тем временем подошёл к выходу и спустился по ступенькам к железнодорожным путям. Одуванчик в растерянности стояла на месте. Наконец, она пришла в себя и тоже быстрым шагом пошла за Гошей. Казалось, всё обернулось так, что теперь он руководил игрой, стал водой, а она дала себя запят-

нать. Одуванчик сбежала по ступеням, едва не столкнув на землю пожилую женщину, задев рукой ящик с земляникой в тележке бородатого торговца фруктами.

Гоша брёл сбоку от железной дороги, засунув руки в карманы. Для него было важно выглядеть со стороны максимально раскрепощённо и уверенно. А главное, решительно. Одуванчик бросилась за ним. Она поравнялась с парнем.

– Стой. Послушай, – начала Одуванчик, хватая Гошу за руку. Тот быстро её отдернул. По привычке. Рефлекторно. – Я... Я... – Одуванчик показывала, что не может отдышаться, хотя на самом деле она не могла выговорить слово, – Я... В общем. Прости! Да. Ну прости меня! Не хотела я тебя обидеть.

– Хотела, – возразил Гоша.

Одуванчик задумалась.

– Хорошо. Ты прав. Хотела, – она остановилась. – Теперь не хочу.

– Интересно почему, – размышлял Гоша, не останавливаясь. Одуванчик снова пошла вперёд.

– Потому что зачем?

– Ага. Ведь я уже пошёл с тобой. Теперь и незачем.

– Какой ты... Я ведь правда... – Одуванчик почувствовала, что готова расплакаться. Теперь по-настоящему.

Гоша подумал, что перегнул палку. Он остановился и повернулся к Одуванчику.

– Ладно. И ты тогда прости. Я уже это, слишком чего-то...

– Гоша заметно смягчился. Его уши снова стали нормального цвета. – Только чур больше никаких обзывательств и оскорблений!

– Никаких, – заверила его Одуванчик и улыбнулась.

Она догнала Гошу. Он тоже улыбнулся. Оба пожали друг другу руки.

– Ну, всё. Договор скреплён, – торжественно объявил Гоша.

– Куда пойдём? – впервые спросила Одуванчик, искренне интересуясь мнением своего партнёра по побегу.

– А давай туда, – Гоша показал пальцем в сторону заброшенной линии железной дороги, которая уходила в сторону от основной и уже заметно поросла травой.

– А давай. Погоди. Я сейчас музыку включу. Я колонку с собой притащила.

Одуванчик начала копаться в своём рюкзаке. Гоша заметно повеселел.

– Ты чего это? – спросила Одуванчик, заметив его перемену настроения.

– Танцевать люблю, – несколько смущённо буркнул Гоша, уткнувшись взглядом в землю.

– Да ладно?

– А что?

– Ничего. Я просто не знала, – она посмотрела ещё раз на Гошу. – Здорово.

Глава 10

– Мам, да это всё Лена! Я тебе клянусь. Это её идея!

– Дарья, ты же понимаешь, что это и твоя идея тоже?

– Ну мам! Это неправда, – девочка в смешном комбинезоне, испачканном красками, приготовилась плакать. – Лена сказала, что так будет лучше!

Женщина в летнем платье сердито посмотрела на свою дочь, которая уже начала хныкать. Дашина мама ненавидела всем сердцем подобные сцены – ей сразу начинало казаться, что у неё кончаются силы, и она вот-вот упадёт.

– Дочь, признавать свои ошибки – это правильно. Именно так делают взрослые люди.

– Я не хочу быть взрослой! – кричала Даша сквозь слёзы. – Мы играли!

Её мама опустилась на колени рядом и взяла за руку.

– Пообещай мне, что больше такого не повторится.

Даша посмотрела на мать большими, круглыми, заплаканными глазами, в которых читалось что-то вроде: «И ты пообещай». Она скрестила руки на груди и перевела взгляд куда-то в сторону.

– Ладно, держи, – мама протянула дочери банкноту, пропахшую эвкалиптом. – Будет тебе в копилку.

Женщина поднялась с колен, поправила полы платья, ко-

торые немного помялись под её ногами, и вышла из комнаты, оставив Дашу наедине с деньгами и своим «плохим поведением».

Глава 11

...It felt so wrong, it felt so right...

...Livin' on a high wire...

...When I saw you, a fire started in my heart,

I looked at you again,

Yeah you've burned from the start...

...I live for the applause-plause...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.